

(Интервью 17.01.1985 г)

*По просьбе Тураева А.Ф., председателя
Совета ветеранов 141 сд 1-го формирования,
Евдокимов С.Г. подал сообщение в газеты
г. Алма-Аты о встрече ветеранов 141 сд
9 мая 1985 г. в с. Подвысоком.*

Из письма Евдокимова Сергея Гавриловича, сержанта 253-го гаубичного артиллерийского полка 141 сд

Из Алма-Аты позвонил Бурков Георгий Иванович, откликнулся на сообщение в газете.

Оказывается, он 1915 года рождения, окончил Рабфак, в 1939 г. поступил в Тимирязевскую академию. Был призван в армию из академии, и 1 ноября 1939 г. с эшелоном таких же, как он призывников, прибыл в г. Славуту. Был курсантом полковой школы в разведвзводе, служил в 4-й батарее 348 ап.

В плен Георгий Иванович попал в августе 1941 г., уже после выхода из окружения. Был в Германии, в Нюрнберге. Потом бежал. В Польше попал к партизанам, там и был ранен в 1944 г. В конце 1944- г. они соединились с регулярной армией. В 1945 г. он еще раз был ранен, в конце 1945 г. демобилизован прямо из госпиталя.

Вчера был у Буркова.

И он, и его жена приняли меня очень приветливо. Сидел передо мной старик в домашнем халате с совершенно белыми волосами. Говорил он связно, неплохо строя речь, но иногда трудно - то трудно вспоминая, поправляя уже сказанное, то трудно подыскивая слова. Сидели мы за столом, и Георгий Иванович более трех часов рассказывал.

Моя жизнь прошла очень сложно...

Наш полк в 1940 г. летом совершал поход к границе Румынии, и на Днестре были развернуты огневые позиции. Связь была по радио, и я принял команду открытым текстом: «Привести батарею в боевой порядок, подготовиться к открытию огня. К бою!» Были сняты чехлы с орудий, поднесены снарядные ящики, все были на местах, ждали команду: «Огонь!» В это время со стороны Румынии стали приближаться самолеты. Они оказались со звездами на крыльях. Это были наши самолеты. По радио передали: «Война окончена. Отбой! Приготовиться к маршу!» Начали переправу через Днестр. Затем марш к Черновцам, а оттуда домой в Шепетовку.

В 1941-м 17 мая вышли маршем в Западную Украину по направлению к границе.

О первых днях войны он практически ничего не рассказывал. Я уже хорошо знаю, что об этом говорить всем трудно. Почти все стараются обойти

эти трудные воспоминания. Общее поражение и общая неудача всегда складываются из множества отдельных поражений и неудач, в том числе и личных. Поэтому личных поражений и неудач в воспоминаниях выживших бойцов подавляющее большинство. Многие обходят эти дни и моменты своей судьбы, ничего не объясняя...

Обстановка первых дней войны для всех нас была чрезвычайно сложной и непонятной. Окружающее было крайне непредвиденным, разрушающим, катастрофическим. Значительную роль сыграла Сталинская доктрина о нашем наступлении и только наступлении - "малой кровью, могучим ударом!" В боевых уставах ничего не было о том, как вести себя, если враг нас обошел, если мы потерпели временную неудачу, поражение. Этому нас не учили. Это абсолютно не допускалось, считалось преступлением.

После Подвысокого я скитался везде. Помню, как горело какое-то село, колхоз, как ехали на лошадях в группе из 22 человек. Однажды к этой группе подъехал командир полка, майор Гонтарь, спросил, кто тут старший. Я назвался, хотя не был старшим. Майор был с несколькими командирами и красноармейцами, он передал Буркову какого-то рядового под охрану: «Если убежит от вас, отвечать головой будете». Через какое-то время, может, на другой день или через два дня, Гонтарь с комиссаром полка и военным прокурором из дивизии, которым была женщина в военной форме, выстроили нашу группу и поставили перед ней виновного. Был зачитан приказ, обвиняющий этого рядового в пропаганде в пользу противника, используя разбрасываемые немцами листовки. Затем солдат торопливо разувался перед строем, потом в него стреляли, но никто не попал, - трудно стрелять в своего, каким бы он ни был. Солдат побежал, и убежал довольно далеко. В него снова стреляли. Он упал, видимо раненый. К нему подошла женщина -прокурор, взяла его за руку, щупая пульс, вынула из кобуры свой пистолет и пристрелила.

После этого Бурков сразу рассказывал о том, как выходили из окружения, ночью по дорогам.

Нас было много. Немцы поздно заметили, стали стрелять слева очередями трассирующих пуль. Все разбежались, залегли. Потом снова шли, но уже малыми группами. Около реки Синюхи я отбилсь от товарищей в лесу. У меня ранило лошадь, и ее пришлось пристрелить. В лесу я повстречал еще двух товарищей, и мы втроем стали путешествовать. Второй, кажется, был старший лейтенант, третий - политрук, еврей. Шли на Никополь, уже в гражданской одежде. Потом остались вдвоем, - кто-то от кого-то отстал. Ночью добрались до деревни, не помню какой, и на чердаке просидели три дня. Потом оторвались и пошли на Новую Одессу.

Плыли по реке, потом вышли около Никополя и там остановились в с. Кашкаровка, устроились в колхоз работать – убирать с поля пшеницу. Проработали мы до декабря 1941 г., и нас повезли в Никополь. В Никополе попали к мадьярам, пробыли мы там месяц-полтора, и нас отправили в лагерь Кривого Рога. В Кривом Роге я пробыл до июня 1942 г. Потом отправили к Кировограду, в районе села, на карьер. Там мы работали на карьере до 1943 г.

Затем их погрузили в эшелон и отправили в Эльзас-Лотарингию. В лагере отобрали 8 человек специалистов – парикмахера, сантехника, столяра, двух связистов, еще кого-то и его, как понимающего немецкий язык, вроде переводчика. Бурков успел понатореть в немецком во время скитаний по лагерям...

Увезли нас, в Нюрнберг. На окраине стояли четыре зенитные батареи, они составляли ПВО города со стороны этой окраины. Мы, восемь пленных под началом вахмистра, обслуживали гарнизон этих батарей. Там мы жили неплохо, но все же хотелось домой. Я был приставлен к унтер-офицеру, который получал, распределял и развозил по батареям продукты. Строгого контроля не было. Удавалось подкармливать всех восьмерых, и даже немного давать работающим на заводике угнанным с родины русским и украинцам. Те жили в ужасающих условиях.

Летом 1943 г. нас восьмерых по какой-то причине перевели на тех же правах в другую часть, расположенную недалеко от польской границы. Приходилось за той же надобностью ездить по дорогам между несколькими населенными пунктами. Удалось высмотреть удобное для побега через лес место. Договорился еще с двумя. Ездили на крытом грузовике с крытым прицепом. Унтер-офицер сидел в кабине с шофером. Перебрались в прицеп. Я выпрыгнул первым, потом второй, а третий, видимо, струсил. Но он нас не выдал и сказал унтер-офицеру о побеге позже, когда уже далеко отъехали. Искали нас не там, где мы сбежали.

Они перешли границу. Шли по Польше, выспрашивали, как найти партизан. В конце концов, им указали путь. Польские партизаны принять к себе отказались, но переправили в отряд русских партизан там же в Польше, в отряд под командованием капитана Невского. У капитана был адъютантом маленький, веселый и пронырливый поляк по имени Феликс. Их подробно допросили и приняли. Жили и воевали, как все партизаны.

В 1944 г., видимо, уже во второй половине, я ходил в деревню еще с двумя партизанами. Деревня та была близко, метров 800 от партизанского леса.

В хату, где они были, прибежал мальчик: «Немцы идут!» Выскочили из хаты. Другие двое через огороды, а я решил, что успею добежать до леса. Не добежал метров 150, немцы издали открыли огонь. Пришлось ложиться, вскакивать и перебежками приближаться к лесу. Стреляли издали, пули были на излете, и две пули все-таки попали. Как потом выяснилось, ранение оказалось серьезным. Одна пуля прошла через печень, задела легкое и остановилась, не дойдя несколько сантиметров до сердца. Она и сейчас там. Вторая срезала отросток позвонка и застряла в боку (она потом вышла). Ушел в лес, зарылся в листьях. Немцы пришли, искали, но в лес заходить побоялись.

Своих в лесу не оказалось, куда-то ушли. Крови потерял много, ослабел, разум помутился. Решил, - пойду к немцам, пусть лучше убьют. И пошел. Добрался до деревни. В хате голоса немцев. Тогда опомнился – что же это, - сам к ним в лапы?! Пошел в огород, там потерял сознание и упал. Немцы вскоре ушли.

Подобрали свои, перевезли, нашли доктора поляка. Тот сказал: «Все равно умрет, лучше я ему укол сделаю, сразу кончится» Не согласились, и поляк тот ушел. В отряде польская девушка-связистка сказала, что этот доктор против них, всех бы их готов уколами поубивать. Она и указала где найти другого врача, хорошего. Другой врач осмотрел, выписал лекарства, сказал, что делать. Приставили ко мне эту польскую девушку ухаживать. Но не знали, где меня спрятать. Решили – в монастыре. Отряд и его командир Невский были известны в округе. Главному ксендзу в монастыре сказали, - если выдадут партизана, монастырь взлетит на воздух. Партизана не выдали. Тем не менее, немцы были активны, искали партизан повсюду. Меня раненого, приходилось дней через 5-8 перемещать с места на место по окружающим населенным пунктам. Случилось раз - немцы зашли в хату, где я лежал. Ухаживающая девушка забросала меня тряпьем и легла рядом, обвязав голову белой тряпкой.

Krank?

Ja-ja? krank.

Was ist krank?

Tifus.

O! Tifus! Weg-weg!

И они быстро удалились.

Так и продолжалось, пока не пришли наши войска.

В последнем бою у Пилицы, капитан Невский был смертельно ранен разрывной пулей в живот, и через два дня умер. Адьютант Феликс преданно не отходил от него до последнего вздоха...

Когда пришли советские войска, я уже вставал. Мы все были подвергнуты проверке. Потом нас разослали кого куда, я попал в пехоту, и уехал опять в Германию. Меня приставили охранять команду пленных немцев, которые, впрочем, и не помышляли убежать. Выполнил и другие тыловые поручения, но двигался я тогда еще не вполне хорошо, а рана, случалось, открывалась. Не помню, что я делал тот раз, когда лейтенант, комендант какого-то небольшого населенного пункта накричал на меня и посадил под арест. Война к тому времени уже закончилась. Но открылись раны, и я попал в госпиталь Котовицы в Польше.

Еще когда Георгий Иванович лежал в госпитале в Котовицах, написал той девушке, что за ним ухаживала, и она очень быстро приехала к нему. В молодости все кажется возможным. Они достали его обмундирование и съездили к ней на родину, где был партизанский лес. Дня два или три они пробыли там.

На обратном пути их задержал патруль. Арест и выяснения. Партизанский отряд знали власти тех мест, они подтвердили их партизанство, и его отпустили.

- Но ты же сбежал из госпиталя?

- Конечно, сбежал. Но я туда и вернусь.

- Ну, черт с тобой, езжай!

В госпитале его даже не хватились и ничего не заметили.

Из госпиталя меня отправили в Кисловодск, в армейский госпиталь. Это было уже где-то в мае 1945 г. В госпитале я пробыл до 5 сентября, меня комиссовали и отправили домой. Я уехал в Москву. Через месяц отправился в Куйбышев к сестре, там была и мать, она лежала в больнице. Через месяц-полтора мать умерла, и я уехал в Алма-Ату к другой сестре, где и остался жить. Сразу женился.

Поступил работать на винзавод, работал ст. мастером, зав. базой, проработал 10 лет. Потом в психиатрической больнице работал еще 10 лет заместителем главного врача. Напоследок 2-3 года работал во вневедомственной охране, но из-за болезни ног пришлось уйти на пенсию.

Вот так я и прожил. Как мне присвоили звание сержанта, так я и остался до сего времени, - закончил свой рассказ Георгий Иванович Бурков, сержант 4-й батареи 348 ап 141-й стрелковой дивизии.

На военном билете Георгия Ивановича видел его фотографию лет сорока. Красивый, по-видимому, достаточно высокий, бравый мужчина. Таким все удается, они умеют устраивать свою жизнь и вести удачно порученное или доставшееся по должности ли, по судьбе ли, дело. На пессимиста он ни на

фотографии, ни в разговоре похож не был, скорее наоборот. Ничего пессимистического не высказывал. Все говорил спокойно, просто, реально. Никаких героических, да и вообще заслуг, себе не приписывал.

Каждому из нас, оставшемуся до сих пор в живых, необыкновенно повезло, и не один, а много раз. Личное участие в войне оставшихся в живых было обычным, не героическим, чаще всего неудачным, как бы ничего важного собой не представляющим...

По письмам ветеранов ВОВ
Буркова Г.И. и Евдокимова С.Г.